

826 ЯНВ. 38.

С Т

26 января 1938 года, № 20

ТЕАТР

ЗА ПОДЛИННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕАЛИЗМ

Уже две недели длится в Череповце гастроли Ленинградского областного реалистического театра (бывш. театр ЛОСПС). Череповецкий зритель успел просмотреть уже четыре постановки. Своевременно задать вопрос — удовлетворяет ли театр полностью запросы советского зрителя? К сожалению, положительно ответить на этот вопрос нельзя.

Разберем вкратце все осуществленные постановки.

Наша газета уже отмечала высокое качество первых спектаклей театра с постановкой «Мещан» Горького. Этой постановкой, сделанной действительно художественно и вдумчиво, театр сразу завоевал симпатии зрителей, и они ожидали, естественно, такой же хорошей работы театрального коллектива и дальше. Однако, эти надежды не оправдались — от постановки к постановке театр снижает уровень художественного исполнения, скатываясь порой на осужденные партией и советской общественностью позиции формализма.

Показанная вслед за «Мещанами» пьеса Бурда «Трудные времена» не блещет никакими художественными достоинствами и, мало того, может привести зрителя к выводу, прямо противоречащему самому названию этого произведения. Показывая на примере одной буржуазной семьи разложение капитализма в связи с кризисом, пьеса заканчивается совсем благополучно: совершив очередную сделку с продажей племянницы богатому кино-режиссеру, буржуа радуется, что дела вновь поправились: будут деньги, будут дивиденды, не уйдет сытая, обеспеченная жизнь. Жив курилка! Исполнение пьесы театром тоже не из удачных: актеры усиленно «французят» манерами и костюмами, и эта смесь «французского с нижегородским» еще более снижает и без того бледноватый спектакль.

Следующая постановка — «Доктор Мамлок» Ф. Вольфа — знакомит зрителя с событиями в Германии, сопутствовавшими захвату власти фашистами: провокационный поджог рейхстага, оголтелая проповедь расовой теории, изуверское преследование евреев и прочих «неарийцев».

Профессор Мамлок, видя, как фашистский сапог беспощадно попирает все завоевания науки и многовековой культуры, сопротивляется, но в конце концов не находит иного выхода, как самоубийство. В этом недостаток пьесы: вместо того, чтобы показать, что борьба не кончена, пьеса обрывается этим ким эпизодом.

Ставя «Мамлока», театр отдает дань формализму, с которым советское искусство решительно покончило. Вся пьеса разворачивается на фоне декорации, символически изображающей культурные завоевания германского народа: в нишах между колоннами зритель видит бюсты великих немецких мыслителей, ученых, поэтов, композиторов. Слов нет, этот пантеон прекрасно оформлен с технической и художественной стороны, но зрителю непонятно, почему среди этих бюстов разворачивается действие и в операционной клинике, и в квартире профессора, и опять в клинике, но, повидимому, в другом помещении. Реквизит тоже носит на себе следы формализма: мебель заумной кубистской конструкции, через оркестр переброшен мостик в партер. Разыгрывание одной из сцен на этом мостике, не является ли дурным подражанием обанкротившемуся Мейерхольду? Пьеса активно воспринимается зрителем, но если постановку очистить от отрывков формализма, она от этого только выиграет.

Вчера и позавчера череповецкому зрителю показана комедия великого русского драматурга Островского «Правда хорошо, а счастье лучше». Впечатление такое: воскресли выведенные в других пьесах Островского типы старых российских провинциальных актеров — Шмага, Робинзон, Аркадий Счастливцев, — собрались вместе и решили разыграть пьесу своего создателя. Играют как умеют — кто во что горазд: один горюет во все тяжкие, другой кувыркается через голову, а все вместе кричат, визжат и кривляются с непередаваемым старанием. Разоделись соответствующе: брюхо — так брюхо, борода — так борода, брови — дремучий лес, нос — картофелина, орденов — не меньше десятка. Купец и плут-приказчик — в традиционных рыжих париках, молодой герой — красавец писаный. Реалистического в таком оформлении не очень много, а вульгарная балаганщина второго акта никак не может быть названа художественным реализмом и рассчитана только на то, чтобы сорвать нездоровый бездумный смех и дешевые хлопья части зрительного зала. Воспитательная ценность спектакля в таком исполнении очень низка.

Приняв название реалистического, театр должен его оправдать и полностью очиститься от отрывков формализма. Что театральный коллектив может с этим справиться — доказывает постановка «Мещан». Надо только работать, работать творчески. В. КРОН.